

ИТОГИ ГОДА

ГОД ПРОШЕЛ ПОД ЗНАКОМ ТАРАНТИНО

Вне зависимости от того, получит ли Квентин Тарантино какой-либо из "Оскаров" за свой фильм "Криминальное чтиво" (вряд ли американская киноакадемия решится дать премию за лучшую картину 1994 года, но может, как нью-йоркские, а главное, лос-анджелесские критики, вознаградить его за режиссуру и сценарий), минувший сезон можно считать годом Тарантино. Дело не только в том, что молодой режиссер, отмеченный "Золотой пальмовой ветвью" в Канне, добился большо-

Носитель Тарантино

Три цвета: белый

завоевав 7 "Оскаров" (а до этого не имел ни одного, за исключением почетной премии имени продюсера Эрвинга Талберга — еще один "горец", судя по фамилии — за творчество в целом). Но значение спилберговского достижения в "Списке Шиндлера", по моему, в должной мере может быть оценено лишь впоследствии, через годы и десятилетия. Среди других фильмов, появившихся на видео в 1994 году, я бы отметил "Короткий монтаж" и "Готовое платье", две последние картины Роберта Олтмена, можно с уверенностью сказать, живого классика американского кино, к стати, отмечающего свое семидесятилетие как раз в тот момент, когда журнал с этим материалом должен выйти в свет. Олтмен выстраивает причудливые киномазки, а поляк Кшиштоф Кесьлевский — стройные, тщательно продуманные киноциклы, в частности, "Три цвета" (правда, пока на кассетах есть

Три цвета: белый

Три цвета: белый

Три цвета: красный

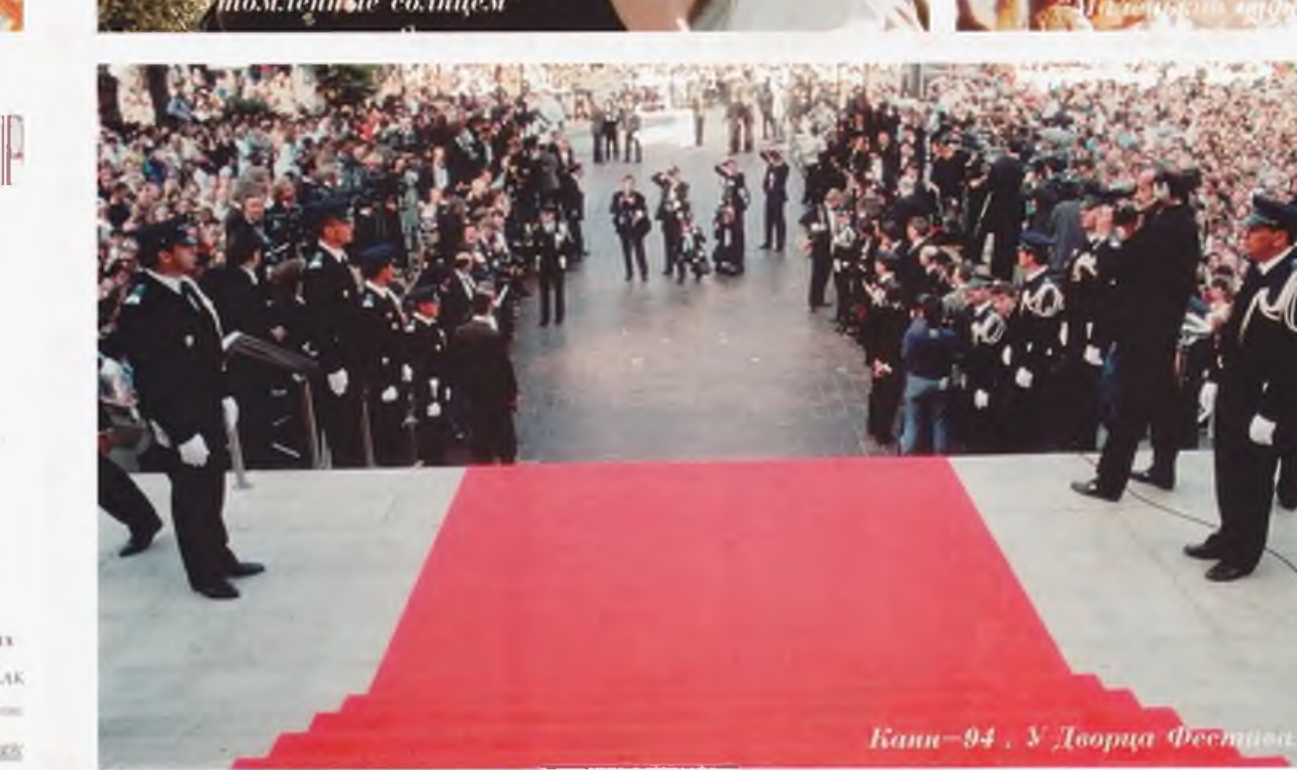
рять неровно, но во "Флореале" приближаются к высотам таких своих лучших картин, как "Аллонзанфан", "Ночь святого Лоренцо" и "Хаос"), и телесериал "Благие намерения" датчанина Билле Аугуста (киновариант получил главный приз в Канне-92), снятый по семейному роману гениального шведа Ингмара Бергмана, культурная традиция поэтически-эпического преобразования интимно-бытовых историй может принести замечательные плоды. Но режиссеры рискуют потерпеть художественное поражение, обращаясь с той же методикой

Прощай, моя наложница

Молчание солдатов

Канн-94. У Дворца Фестивалей

Квентин Тарантино и Б. Уиллис

Квентин Тарантино

"Унесенные ветром", то криминальную фикцию Квентина Тарантино, конечно же, следует назвать вывернутым наизнанку "Крестным отцом" 90-х годов. Хотя немаловажно и то, что "Криминальное чтиво" соотносится с европейскими шедеврами прошлых лет, например, с лентой "На последнем дыхании". Вот почему я, возможно, поспешно включил картину Та-

рантино в список "Ста эталповых фильмов мирового кино", впрочем, как и "Список Шиндлера", дошедший до нас тоже в 1994 году. Многие отнеслись к работе Стивена Спилберга с предубеждением и исходя из каких-то сиюминутных, случайных настроений, даже определенного раздражения из-за нового усилителя "короля суперзрелищного кинематографа", который на этот раз покорила и другую Верг,

С. Спилберг на съемках "Списка Шиндлера"

лишь два фильма с подзаголовками "Синий" и "Белый", а "Красный", только что награжденный американскими критиками по итогам 1994 года, вероятно, на подходе), хотя искусная выверенность порой вступает в противоречие с жанром "современных моралите". Кесьлевскому иногда не хватает легкости и спасительной иронии, что отличает, например, великолепные трагикомедии "Муж парикмахерши" и "Танго" французского Патриса Леконта, подлинное открытие 1994 года (хотя кому-то больше по душе эксцентрический фигурант Джим Керри в "Эйсе Вентуре" и "Маске") или романтическую комедию "Четыре свадьбы и похороны" новозеландца Майка Ньюэлла, работающего в Великобритании,

Мир парикмахерши

Четыре свадьбы и похороны

один из международных хитов минувшего сезона, в том числе в ревнивой к чужим победам Америке. Там наградили "Оскаром" менее изящную испанскую трагикомедию "Прекарная эпоха", в очередной раз обидив китайцев, которых более привлекают в Европе. Изысканная историческая мело-

драма "Прощай, моя наложница" Чань Кайга заслуживала этого приза в большей степени, но, на мой взгляд, она проигрывает в сравнении с фильмом "Подними красный фонарь" Чжан Имоу, который убедил меня в том, что китайское кино не только сопоставимо по художественному уровню с лучшими образцами японского кинематографа, но сейчас и более умело сочетает кинематографические поиски с традициями древнейшей восточной культуры. Мода на экзотику и своеобразный эскейпизм, бегство от европейской, шире — западной цивилизации, чувствуется в таких несхожих лентах, как "Фортеллиано" новозеландки Джейн Кампион (мне кажется, ее фильм перехвален только из-за

того, что женщина из далекой страны удивила всех как бы первозданностью человеческих страстей, хотя картина, наоборот, чересчур просчитана, лабораторно скрещена, по признание самой Кампион, на основе "Грозного перевала" Бронте и "Космической одиссеи" Кубрика) и "Маленький Будда" итальянца Бернардо Бертолуччи, создавшего уже третье "восточное" произведение за пределами родины. К Бертолуччи отнеслись, напротив, излишне сурово, высмеяв его стремление преподать урок буддистского ликбеза для американских подростков в форме чрезвычайно красивых открыток-иллюстраций. Вероятно, осознав исчерпанность азиатско-африканского опыта, Бертолуччи решил сделать продол-

жение своего "Двадцатого века", по моему, недооцененной исторической фрески с вердиевским трагизмом. Как доказывает и новая работа братьев Тавиани (они тоже тво-

Подними красный фонарь

Мамочка-маньяк

Мамочка-маньяк

к литературным текстам иной культуры, что произошло с тем же Билле Аугустом в "Доме духов" на основе латиноамериканской прозы. Эрнестовский пафос спасал и такие опасно балансирующие на грани кича фильмы, как "Леопольд" канадца Жан-Клода Лозона, "Опасная игра" (первоначальное название "Глаза змеи" было лучше) итало-американца

Эйбела Феррари, "Ромео истекает кровью" англо-венгра Питера Медака, наконец, "Мамочка-маньяк" американца Джона Уотерса, "короля безвкусицы", теперь заслужившего почетное право на участие в церемонии торжественного закрытия самого престижного Каннского кинофестиваля.

С точки зрения некоторых кинематографистов — приехали, дальше — некуда! Главную премию в Канне отдал Квентину Тарантино, певцу "Криминального чтива", на закрытии пока-зали тошнотворную пародию "Мамочка-маньяк", а теперь уже "старомодного" Никиту Михалкова утащили всего лишь Большим призом жюри, и то по лапам с китайцем Чжан Имоу.

Это у нас он — "человек кинематографического года", а там правила бал дьявольская хохма. Я же думаю, что истина на стороне тех, кто вместе с Тарантино танцует накануне столетия кинематографа загибающую тарантеллу. Время рассудит — был ли 1994 год "Годом Тарантино" по праву.